

Михаил Успенский

Время Оно

Часть первая

Глава первая

Не упускайте случая делать добро — если это не грозит вам большим ущербом. Не упускайте случая выпить — ни при каких обстоятельствах.

Марк Твен

*Ни при каких обстоятельствах.
Вы меня поняли?*

Эрнест Хемингуэй

От всего богатства осталась одна монетка, да и та с утра начала вести себя как-то странно.

— Вот оно что! — догадался Жихарь. — Деньга сама на ребро становится — в кабаке торопится! Нужно за ней спешить, чтобы не чужой человек пропил. Не зря слово «кабак» читается и пишется в обе стороны одинаково: попасть туда несложно, а выйти нелегко.

...Богатырь вернулся в родное Многоборье к осени, когда собирают урожай, ставят медовуху и

учиняют свадьбы. Далеко впереди него бежала грозная слава победителя, разорителя и полководца. Славу разносили совершенно за бесплатно и говорящие птицы, и немногословные бродяги, и добросовестные лазутчики, и безответственные болтуны, и базарные торговки, и заслуживающие всяческого доверия мудрецы.

Потому что возвращался не прежний рыжий Жихарка, ввергнутый жестоким князем Жупелом в Бессудную Яму за дерзость, а овеванный легендами Джихар Многоборец, прошедший с боями и драками чужие земли, достигший пределов света и там покоривший своей воле Мирового Змея. Знато было уже и о том, какое позорное поражение нанес богатырь самому Мироеду, какой страшной ценой добыл он Полуденную Росу и каким образом сделался преемником Святогородовой силы.

Рассказывали громким шепотом и о соратниках ужасного Джихара — королевиче Яр-Туре и Чайной Страны человеке Лю, которые были непобедимыми воинами и умелыми чародеями. Их в Столенграде почему-то особенно опасались — люди пришлые, им чужая жизнь дешевле грошика. А когда вспоминали петуха Будимира, то тут же прикусывали языки и тыкали пальцами в самое солнышко.

Князь Жупел на вид общим страхам не поддавался, велел рубить в лесах засеки, ставить на

дорогах заставы, сооружать ложные постоянные дворы с ядовитой брагой. Начали наспех возводить вокруг Столенграда новый частокол, мысля успеть до прихода непобедимого воинства.

Но богатырь вернулся один.

Джихар Многоборец благополучно миновал все пакостные засады, поскольку шел не прямоезжей дорогой, а по известным ему с детства лесным тропам, и внезапным было его появление перед городскими воротами.

Оттого что был Жихарь один, стало еще страшнее.

И шел он босиком, перебросив связанные сапоги через плечо.

И песню пел он лютую, вгонявшую в холодный пот:

Гуси-лебеди летели,
Кулика усть хотели.
Не уешьте кулика —
Кулик бедный сирота.
Скоро все узнанают в школе,
Как несчастный тот кулик
Вопреки враждебной воле
Стал разумен и велик.
И теперь он лебедей
Не считает за людей,
Он врагов, как траву, валит

Да свое болото хвалит:
«Здравствуй, милое болото!
Я вернулся из полета,
Видел горы и леса,
Ерунду и чудеса.
Славен силой молодецкой,
Всюду лез я на рожон.
Видел берег я турецкий,
Только мне он не нужен.
Бил я крупну дичь и мелку,
Бил иные племена.
Видел Африку-земельку —
И она мне не нужна!
А нужна моя трясина.
Так встречай родного сына!
Ты у нас ведь хоть куда —
Не земля и не вода.
Здравствуй, древняя лягушка
Бедной юности моей.
Выпьем с горя! Где же кружка?
Кто разбил ее, злодей?
Я ему, тому злодею,
Буду долго мылить шею,
И с набитою сумой
Ворочуся я домой.
После нового рожденья
Я вернулся полон сил.
Тот не знает наслажденья,

Кто врагу не отомстил!»

Даже ежу было понятно, что в первых строках своей песни герой сравнивает себя с куликом, а под гусями-лебедями подразумевает многочисленных врагов и недоброжелателей. Поэтому еж встревожился и поспешил убраться с дороги.

Стражники-привратники потом приврали, что пытались пришельца сечь мечами и колоть копьями, но мечи об него ломались, а копья отскакивали.

На самом деле никто на такое не отважился — ведь богатырь был вовсе без оружия. Стало быть, охраняют его такие сильные чары, что лучше уж не пытаться судьбу себе на погибель.

Жихарь остановился у ворот, отогнал грозным оком стражников, легко потянул ворота на себя, отчего балка-засов с другой стороны с сухим треском переломилась. Богатырь поочередно снял обе створки с петель, оттащил в стороны и бережно прислонил к столбам-вереям.

Путь в Столенград был открыт.

Князь Жупел давно надоел всем хуже горькой редьки, но все не выпадало многоборцам случая с ним посчитаться. А теперь за Жихарем потянулись какие-то неведомые подзаборные молодцы, они начали кричать про князя всякие гадкие, но правдивые слова. Потом и остальной народ

услышал в себе силы великие, обиду лютую, ярость благородную, гнев праведный и прочие полагающиеся при мятеже и смуте чувства.

Сразу, не дожидаясь, чем закончится толковище с князем, принялись за спиной Жихаря грабить богатые терема.

Князь Жупел без толку метался по своей светлице. Самый лучший его боец — варяг Нурдаль Кожаный Мешок — незадолго до этого убрался в северные свои свояси, не простившись и даже не спросив положенного жалованья. Слуги, один за другим посылаемые Жупелом за дружиной, назад не возвращались, и никто не мог доложить владыке, что верная дружина уже давно покинула город и расположилась под речным берегом, на всякий случай ладя плоты для бегства. Дружина ведь тоже перед Жихарем провинилась — мало того, что никто не заступился за боевого товарища, так еще сами же его повязали и в Яму кинули на верную смерть.

Место старого варяга близ князя занял другой пришлый вояка — Дерижора, по прозвищу Подержи Мой Тулуп. Дитина был здоровый, дородный, чернобородый и черноглазый, он пришел на службу из далекого приморского города, где, видно, здорово провинился перед властями. Дерижора никого не боялся, был весел и шумлив, людей сильно не обижал, но в переулке после

заката было ему лучше не попадаться: оставит без всего да еще пошутит про это. На щите этого чуженина изображен был родовой знак: в лазоревом поле семь сорок. Должно быть, по причине болтливости.

Про Жихаря Дерижора только слышал слыхом, но рассказам не верил, поскольку и сам был горазд на выдумки. Когда у княжьего крыльца поднялся шум, Дерижора нехотя встал с лежанки, велел напарнику подержать тулуп и вразвалочку вышел на крыльцо.

Богатыри долго стояли друг против друга — один наверху, другой внизу. Потом Дерижора все-таки сошел вниз — ему мечталось поскорее покончить с этой доукой и вернуться на лежанку досматривать сон о родном городе с белокаменной лестницей до самого моря. Но даже на земле превышал он Жихаря на голову.

— Ты Соломону Давидычу не родня приходишься? — спросил Жихарь. — А то похож. Не дело выйдет, если я тебя обижу: мы с премудрым царем из одного котелка ели, одним плащом укрывались.

— Делай ноги, — посоветовал Дерижора. — А то будет такое, шо это немислимо. Ой, шо будет, шо будет!

— А что будет? — удивился богатырь.

— А станут тебя повсюду искать, да не

найдут, и мамочка заплачет...

— Не родня, — решил Жихарь. — Тот был премудрый, а ты, гляжу, преглупый. За чужого дядю голову подставляешь. Дай пути, не доводи до худого.

— Лучше сделай так, шоб я тебя не видел, — сказал Дерижора Подержи Мой Тулуп.

— А, это можно, — охотно согласился Жихарь. Он за спиной соорудил из указательного и безымянного пальцев нехитрую рогульку и рогулькой этой ткнул князьему заступнику в черные печальные глаза.

Дерижора возопил и схватился руками за лицо.

— Глаз не бабья снасть, проморгается, — утешил его богатырь, потом легонько плечом устранил с пути и побежал в терем.

На лестнице никакой стражи не было вовсе, и в княжескую светлицу богатырь ворвался невозбранно, но тут в нос ему шибанула страшная вонь, будто не ко владыке Многоборья Жихарь пожаловал, а в несчастное село, где погуляла Коровья Смерть.

Князь Жупел Кипучая Сера лежал на столе в небольшом гробу, скрестив на груди связанные на всякий случай тряпицей ручки. Личико у князя стало от смерти желтенькое, носик востренький, даже жалко было смотреть постороннему человеку,

незнакомому, на свое счастье, с Жупелом.

Над гробом, превозмогая смрад, убивалась княгиня Апсурда. Она слегка колотилась покатым лобиком о край домовины и задавала воющим голосом покойнику напрасные и безответные вопросы: на кого именно он ее покинул и чего ему на белом свете не хватало.

По лавкам вдоль стен светлицы сидели ближние слуги, премудрые советники и просто неперменные при всяком похоронном деле старички и старушки. Когда вдовствующая княгиня особенно высоко забирала голосом, они помогали ей таким же воем.

— Доигрался, подлец, — разочарованно проворчал Жихарь. — Не только околеть успел, но и провонять удосужился...

Но только Жихарь был уже не тот. Много чего он в своих странствиях насмотрелся, много чего наслышался. Прищемил себе богатырь ноздри пальцами и не побрезговал склониться над мертвецом.

— Так, — сказал он громко. — Не обессудь, скорбная вдовица, а только придется муженьку твоему допрежь похорон вбить в белые груди осинový кол, чтобы не вздумал за гробом баловаться...

Скорбная вдовица завывала громче прежнего, а сочувственники подхватили. Княжий советник

Корепан, седой и на вид благообразный даже, кашлянул и сказал осторожно:

— Не дело задумал, ваше богатырство. Он же все-таки князь, и хоронить его надо по-княжески, тризну справить...

— Ладно, — прогундосил Жихарь. — Ради княгинюшкиного спокойствия не будем ему кола втыкать, похороним по-княжески: выроем преглубокую яму, заколем коня любимого, слуг верных туда же метнем. Он ведь и в Костяных Лесах без советника, например, не обойдется...

Верные слуги и соратники покойного мигом устали завывать по князю и заголосили по себе в том смысле, что верные-то они верные, но не до такой же степени!

— О какие вы! — сказал Жихарь. — Лукавые да вероломные! Да уж каких заслужил! Добро, не будем людей зря трудить, курган насыпать. А поступим так, как в жарких странах за Зимними Горами делают. Сам видел на обратном пути предивный обычай в тех краях. Когда помирает ихний раджа — это вроде князя, только мелкий да чернявый, — то складывают высокую и просторную поленницу из духовитых смоляных дров, помещают покойника в белом свивальнике на вершину, потом хором плачут и факел подносят. А любимая жена раджи (жен они, против нашего, по многу держат) доброй волею на тот костер

восходит и в огне за мужем следует... Тут и честь, и верность, и добрым людям польза: все иные бабы острастку получают и, бывает, целый месяц после того мужьям не перечат. Так особая книга велит, «Камасутра» называется...

Про книгу он, конечно, приврал, поскольку прочитать ее не смог, а любовался одними картинками. На картинках же никаких костров вовсе не было...

— Еще чего! — заорала вдовица, и слезы у нее тут же высохли, как вода на раскаленной плите. — Я к бабушке своему гонца послала, он сюда войско приведет и всех вас казнит за меня!

— Ой, — испугался Жихарь. — Не надо нам сейчас войны, учиним по-другому. Нужно у покойника вынуть черева и мозги — я покажу, как это делается, — да и засушить на веки вечные...

— Ты бы ушел отсюда, ваше богатырство, — мягко сказал Корепан. — Дай уж нам с владыкой по-своему попрощаться, похороним и без тебя...

— Ага, — сказал Жихарь. — Знаю я вас, догадываюсь... Тогда вот что. Похороним его бесчестно, словно приبلудного бродягу, каковым он и был... А гроб для приличного человека сэкономим!

С этими словами богатырь отодвинул княгиню от ложа скорби, поднял гроб и вытряхнул князя Жупела на выскобленные добела доски пола.

Вместе с князем полетели на пол и куски тухлой рыбы.

Жупел не успел выставить вперед спутанные руки, больно ударился, ожил и завопил.

— Вот каков я могучий чародей! — похвалился Жихарь. — Мертвых подымаю, верной жене супруга усопшего возвращаю! Правда, ненадолго. Вставай, притворенный, судить тебя будем!

Жупел Кипучая Сера кое-как поднялся, путаясь в просторных смертных одеждах.

— Суди-ить? — прошипел он, и костяной гребень на княжеской голове даже покраснел от злости. — Да кто тебе право дал меня судить? Я всенародный избранник, а ты — беглец да изгой! Я на тебя жаловаться буду — сам знаешь кому.

— Знаю, — сказал Жихарь. — Не первый день живу. Что ж, отправлю тебя к твоему заступнику, там друг дружке на меня и жалуйтесь — легче будет...

И занес кулак над княжеской головой. Кулак и голова были одного размера.

Бывший покойник как-то умудрился уклониться от рокового удара, извернулся и, сшибив по пути княгиню Апсурду, рванулся к выходу.

Жихарь гулко затопал вдогонку. Жупел кубарем скатился с лестницы, надеясь обрести

защиту у наемника Дерижоры, но тому было не до хозяина: заезжий молодец с большим трудом отбивался выдернутым из плетня колом от наседавших на него многоборцев.

— Прекратить, — на бегу приказал Жихарь. Князь выскочил с подворья и устремился в город. Перебирал он коротенькими ножками столь быстро и резво, что даже подзаборные молодцы на миг прекратили грабежи, чтобы полюбоваться погоней. Подставить беглецу ножку никто, впрочем, не догадался или не посмел.

— А-а, вон что ты задумал! — просопел Жихарь, свернул в сторону и полез через плетни и заборы, чтобы перехватить Жупела. Но за время богатырского отсутствия в Столенграде произошли кое-какие перемены: на месте пруда возникли огороды, а на месте прежних огородов выкопали пруд, и пришлось его пересекать — где по грудь, а где и по маковку.

Хитрый князь поспел раньше к тому месту, куда стремился. Это, понятное дело, была все та же неистребимая лужа напротив постоянного двора старого Быни, откуда в свое время Жупел вышел, чтобы княжить над Многоборьем.

Лужа была неглубокая, но князь нырнул в нее с разбега, как в омут, — только полетели в стороны брызги грязи пополам с зелеными ошметками тины, да круги разошлись и сразу пропали.

Жихарь утер мокрым рукавом лицо:

— Все-таки сбежал к Мироеду под культяпую руку, подлая душа! Ничего, еще встретимся...

Он отошел от лужи, приблизился к постоялому двору и сел на крыльцо, чтобы маленько обсохнуть после неожиданного купания.

Тут в конце улицы возник наемник Дерижора. Кол он уже бросил и теперь надеялся единственно на ноги. Ограбленные им жители с улюлюканьем нагоняли его.

— Расхрабрились — сотня на одного! — возмутился богатырь и поднялся с крыльца. — Что-то раньше такими храбрыми не были! Завели себе обычай — богатырей бить! Не дам чужинца в обиду.

Дерижора добежал до постоялого двора, обнял руками столб коновязи и стал отдыхиваться. Преследователи остановились в нескольких шагах.

— Вот так-то, — сказал Жихарь. — Не бойтесь: зла ни на кого не держу. А с тобой, друг любезный, зайдем-ка мы в кабак. Тебе на посошок выпить надо, а мне за возвращеньице. Всех зову, какие желают. И за дружиной сбегайте, всех прощаю на радостях...

С этими словами богатырь достал из штанов мокрый, но туго набитый кошель.

— Золото не киснет, не ржавеет! — объявил он и шагнул за порог.

...Ой не зря слово «кабак» читается и пишется в обе стороны одинаково...

Глава вторая

И уж Алиса-то отлично помнила, что если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано «Яд!», то почти наверняка тебе не поздоровится (то есть состояние твоего здоровья может ухудшиться).

Льюис Кэрролл

«Жаль, что ваджра моя, Золотая Ложка, в пучину морскую канула, — рассуждал Жихарь, глядя на последнюю денежку. — А то я бы с ее помощью деньги приумножил и еще погулял...»

Лю Седьмой, правда, утешал богатыря, что чудесный жезл Жуй имеет свойство возвращаться к прежнему хозяину, — правда, в ином обличье и с другими свойствами. На обратном пути Жихарь на всякий случай подбирал с дороги разные диковинные предметы, но ни один из них чудес не творил и с ваджрой близко не лежал.

— Последнюю денежку пропью — и стану княжить! — провозгласил Жихарь и бросил золотой на прилавок.

На звон золота из-под столов и лавок начали выползать различные люди. Оставалось их, правда, уже немного, не сравнить с первыми днями. Поредело застольное воинство: иные совсем опились, иные заболели, иных утащили по домам жены, матери и сестры. А уж и пито было! Пока провожали заезжего Дерижору, прикончили весь кабацкий припас. Даже до пивного сула добрались.

На постоялом дворе и в кабаке нынче вершил все дела не старый Быня, а совсем новый человек по имени Невзор, прозванный так то ли за невзрачный вид, то ли за пустоглазие. Сам Невзор в жизни ни разу не пригубил зелена вина и разбирался в нем из рук вон плохо. Напокупает, бывало, у проезжего торговца заморских напитков, а они либо кислые, либо приторные, либо прямая сивуха — только что бочонки яркие и нарядные. Еще он был известен тем, что в лихую военную годину, когда поднималась не только вся дружина, но и прочий люд, притворялся спятившим и оставался дома, покуда не проходила гроза.

В этот раз пришлось Невзору посылать за вином по деревням и хуторам, собирать где только можно, — ведь не каждый день кабатчику идет такая удача. В зелено вино он еще сыпал дурманный лист и жалел, что летом заготовил мало этой отравы.

За гульбой Жихарю недосуг было даже позаботиться о добром жилье — ночевал либо у вдовушек (при Жупеловом правлении их много стало), либо тут же, на постоялом дворе. Каждое утро, едва продрав глаза, собирался он пойти на княжий двор, чтобы распорядиться властью, но всякий раз находилась добрая душа, услужливо подносила ковшик для поправки, и все начиналось сызнова.

Сопьяницы с разинутыми ртами слушали рассказы богатыря об иных землях и народах. При этом они не забывали плескать во рты дармовое угощение. Ковши непременно опорожняли до самого доньшка, чтобы зла не оставлять. А зло все равно оставалось.

Княгиня Апсурда (не воевать же с бабой!) забрала из княжьего терема все свое приданое, а вернее сказать — выгребла терем под метелочку, нагрузила семь возов всякого добра и поехала, оскорбленная, к батюшке.

— Дурак ты, Жихарь, — говорили самые трезвые из сотрапезников. — Ты бы лучше на ней женился. Ведь муж княгини кто? Ясное дело, князь. Тут уж никто не возразит, а то начнут всякие препоны ставить...

— Передо мной не то что препоны — целое море на уши ставили, и то преодолел! — отвечал Жихарь. — А на Апсурде я Мироеда культяпого

силком женю, когда поймаю. Если он ей сам сразу голову не откусит, то недолго протянет...

— Воля твоя... — отвечали ему, потому что другой воли в Столенграде пока не было. И оттого там творились всяческие непотребства.

Подзаборные молодцы заглядывали в кабаки наскоками, быстро опорожняли поднесенную щедрым Жихарем посуду и спешили вершить свое привычное дело: лазить по чужим клетям и сараям обижать девок и мальцов, пускать красного петуха.

Время от времени слухи о непотребствах доходили до богатыря, он вставал с лавки, брал подходящую оглоблю и бежал чинить свой правый суд, да не всегда успевал добежать. Часто от его вмешательства становилось еще хуже.

— Чего-то я не то делаю, неправильно живу, — говорил Жихарь, обхватив рыжую голову.

— А вот ты маленечко выпей, и станет правильно! Ты ведь нынче князь! Кому же еще престол доверим?

— Уйду я от вас совсем — подвигов искать! — тосковал богатырь. Но ведь и для этого следовало сперва проспаться, сходить в баню и переодеться во все хорошее и новое. Да и не ходит никто за подвигами в такое-то время — потому что набитого золотом кошелья хватило как раз до белых мух.

— Только теперь уж, друзья любезные, не

обижайтесь, — сказал Жихарь и пальцем вытащил из ковша захмелевшего сверчка. — Править буду строго. И не вздумайте ко мне за побрякками соваться — вместе, мол, пили. Я в своих странствиях с кем только не пил — и со славными героями, и с побирушками, и с бонжурским царем, и с испанским королем. Тот, помнится, все женить меня хотел. Да вот беда: я-то один, а дочерей у него две. Одну зовут Началита, а другую — Кончита. Обе красавицы, хоть разорвись. Одну приголубишь — другая от тоски зачахнет. А то и ножиком пырнет — девки там горячие. Это я к тому, что, если все мой собутыльники соберутся, в Многоборье и земли под пашню не останется. Так что знайте. А то ко мне по ночам уже стали являться мои побратимы: глядят с укором и пальцем грозятся. Ну да ничего. Вот сейчас опростаю остатнюю чашу и за дело возьмусь...

— Так ведь княжеская казна еще не тронута, — подсказал кто-то.

— Чего? — заревел Жихарь, и подсказчик спрятался под стол. — Княжескую казну употребим не на пропой, а на дело. Начнем, к примеру, копать глубокую канаву от реки до самого Соленого моря. Небось Яр-Тур мой там уже всю царствует. Будем торговать, на кораблицах плавать... Бороды дружно побреем, за морем бород уже не носят... Каменные дома воздвигнем небывалой высоты...

Голубей станем гонять, змеев запускать... Да что там змеев! Я и сам способ летать придумал! Сошьют наши бабы громадный кубарь из тонкого шелка, наполним его горячим дымом и улетим далеко-далеко...

Сопьяницы разом вздохнули и разом же с тоской поглядели на закопченную стену кабака, словно там и была неоглядная даль.

С каждым новым ковшом даль становилась все неогляднее, каменные дома — все выше, а канава до Соленого моря — все шире и глубже.

— Человек не скотина, мечту мечтать должен, — наставительно сказал Жихарь. И понял, что слова-то правильные, а место здесь для них не самое подходящее.

Он вдруг внезапно протрезвел, поглядел на невытертую столешницу, на рыбы да мясные кости и подумал: «Вот и все мое княжение — до кабацкого порога...»

— За вином опять посылать придется, — проворчал из глубины кабака Невзор. — Уже всем кланялся — и отбывальцам, и простолобам. Вино нынче в цене — люди свадьбы начинают справлять. А ежели деньги кончились, так у меня же и займи. Князем заделаешься, тогда отдашь. И лихву-то возьму небольшую: за десять золотых вернешь дюжину, и все дела.

— И правда, Жихарь, — донеслось из-под

стола. — К чему жалеть Жупелово добро? Оно нашими кровью и потом нажито...

— Да ты в жизни винаща-то куда больше, чем пота и крови, пролил, — сказал Жихарь, но задумался. В самом деле, зима долгая, снега падут глубокие...

— И то, — решил он. — Согласен.

— А долг станем складчиной отдавать! — хором вскричали все застольники. В этот миг они чистосердечно полагали, что так все оно и будет.

— Вот за что я вас люблю, — чуть не зарыдал богатырь. — Велите звать песенников, гусяров, а красным девицам да детишкам — пряников от пуза!

Весть о том, что Жихарь Избавитель пошел на второй заход, разошлась по Столенграду быстро, как пожар.

Справный хозяин откладывал шило, вешал недочиненную сбрую на гвоздь и накидывал на плечи полушубок. «Не вопите, не на битву собираюсь!» — одергивал он жену и детей и выходил на улицу.

Кузнецы и оружейники тоже чувствовали, что молот им стал неподъемно тяжел, быстренько смывали с себя сажу и копоть, снимали кожаные фартуки.

Мастеровой народ вслед за богатырем успокаивал себя тем, что зима долгая, а снега глубокие и много чего еще за эту зиму можно

переделать; Жихарь же гуляет не всякий год.

В дружине кое-какой порядок все еще держался — почти все вернулись к службе. Но ради такого случая можно было сделать и послабление. «Вот сейчас падут снега на черную грязь — к вам вообще никто не пролезет!» — рассуждали воины, слагая с себя броню, оружие и обязанности. Засапожные ножи, впрочем, оставляли — все-таки в кабак шли, где по-всякому может повернуться.

Даже те, что несли стражу при городских воротах, потребовали себе пряников и чем те пряники запить.

И столько народищу собралось на постоялом дворе, что решили праздновать на вольном воздухе под навесом — благо настоящих морозов еще не было.

«Пока не князь, а гуляю не хуже», — похвалил себя Жихарь, оглядев двор. Зазвенели гусли, загудели гудки, засопели сопелки — песенники возрадовались повторному заработку.

Никто и не заметил, как в открытые ворота въехал всадник на вороном коне. Был тот всадник высок и статен, облачен в золоченые латы, хотя ни меча, ни копья при нем не было.

Всадник уже спешил и закинул удила своего жеребца на коновязь, когда на него налетел кувыркавшийся хмельной скomorох, от души обругал и тут же полетел дальше — потому что

незванный гость поддел скомороха тяжелым сапогом.

На шум иные обернулись и, поскольку были еще в себе и в уме, встревожились: не злую ли весть принес незванный гость, не решились ли коварные соседи на дерзкий зимний набег, не поднялся ли из праха и ничтожества разгромленный еще дедами и прадедами Черный Нал...

— Моему потребен сэр Джихар Золотая Ложка, — объявил незнакомец, а голос его перекрыл и звончатые гусли, и скомороший похабный визг.

— Кажись, тебя, княже! — польстил щедрому Избавителю пнутый скоморох.

— Князь не князь, — сказал Жихарь, вставая, — а сэр Джихар буду я.

Незнакомец почтительно склонился. Лицо у него было длинное, что у коня, но не вороное, а, напротив, бледное-бледное — словно вырос он в погребе, где ни солнца, ни ветра.

— Вы уже есть сэр Джихар или только будет ему через некое времени? — уточнил незнакомец.

— Да Джихар я, Джихар, — сказал богатырь. — Разве не видно?

— Так есть, — сказал незнакомец. — Отнюдь я есть сэр Мордред, племянник короля логров. Мой лорд есть вам неродной брат. Эрго, я есть вам неродной племянник.

Жихарь внимательно поглядел на неожиданного племяша через мутный глаз.

— Да уж, — сказал он наконец. — Умеет братка имена давать. Точно что Мордред — краше в гроб кладут.

— Как раз именно такой и кладут, — сказал Мордред и вроде бы еще побледнел, хотя бледнеть было уже некуда. — Мой лорд, повелитель Карлиона, Лотиана и Оркнея, властелин Белых Скал и Четырех Битлов, высокий хозяин замка Камелот, передавал посредством меня свой привет свой неродной брат, послание тайными рунами и подарок.

— Гостю — честь и место! — распорядился Жихарь. Мало ли у кого какое лицо! Главное — весточку привез от Яр-Тура.

Гуляки расступились и пропустили сэра Мордреда во главу стола. Жихарь приглашающе хлопнул по лавке:

— Садись, племянник названный! Сам видишь — гуляем.

— Грамоту бы верительную у него спросить, — сказал кузнец Окул по прозвищу Вязовый Лоб (в питье он был единственный Жихаря достойный супротивник). — Мало ли что...

— Побратим с худым не пришлет. Да и конь у него не простой, сразу видно — королевских конюшен, — сказал богатырь и зачерпнул из

бочонка ковшом. — Первым делом прими, воин, с устатку.

Бледный сэр с большой тревогой поглядел на ковш, потом решился, выпил до дна — и долгое лицо его покрыла совсем уже снежная белизна.

— А вот капустки, — сказал Жихарь. — Оно и отойдет. Ты ешь, подкрепляйся, а я пока весточку от любезного брата изучу...

— Не годяет, — сказал сэр Мордред. — Таковое послание не читаемо публично, когда гуляем. Печать короля не залита вином.

— Понял, — сказал Жихарь. — Верные твои слова. Руны тайные — значит, и дело тайное. Вот проспимся, на свежую голову и почитаем.

— Истина, — сказал сэр Мордред, принимаясь за окорок. Окорок был сочный, свежий, но на лице гостя это никак не отразилось — он словно сено жевал.

— Ну и как у вас там? — спросил Жихарь. — Круглый Стол соорудили, как я велел?

— Истина, — сказал сэр Мордред, племянник. — И один кресло становится всегда пустой. Никакой не может его занимать. Оно для неродной брат короля, оно ждатель сэр Джихарь Голдспун. Который сядет туда — умрет смертью.

— Вот налажу здешнюю жизнь, тогда, может, и приеду, — сказал богатырь.

— Ты наладить, — согласился сэр

Мордред. — Тебя лучше нет наладить.

— Вот видишь — ожил, повеселел, — обрадовался Жихарь.

Пир пошел своим чередом. Песни петь стали уже все — и скоморохи, и мастеровые, и дружинники. Пели в основном веселое, только лучники затянули было свою жалостную, протяжную — «Ой вы, братцы, вы брательники, не стреляйте вы друг в дружку-то», но им запретили портить добрым людям праздник.

Сэр Мордред пытался даже подпевать, а потом хлопнул себя по белому лбу и вытащил из-за пазухи небольшую бутылку черного стекла. Он не стал отбивать горлышко, как принято у людей благородных, а долго и скаречно извлекал пробку.

— Вот, — сказал он. — Это есть эликсир Мерлина. Ему на три больших глотка. Первое глотко пить сэр Джихар. Второе глотко пить чайный мудрец. Третье глотко пить сам король. Тогда будет один душа или дух. Мой лорд велел так. Такой порядок.

— Как бы все не вылебать по нечаянности, — вздохнул Жихарь, взял побратимов дар и запрокинул малый сосуд. Влага в нем была крепкая и душистая, вроде памятной Мозголомной Браги.

Сэр Мордред бережно принял бутылку назад, заткнул пробку и схоронил сосуд на прежнее место.

— Так ты и к почтенному Лю собираешься? — спросил богатырь, отдышавшись. — Не ближний свет! Куда ты поедешь без саней, без дорог? Зимуй у нас, а уж по весне, как просохнет...

— Там станем поглядывать, — сказал сэр Мордред.

И с новой силой замелькали ковши, забегали миски, полетели под столы кости, а песенники припомнили уж такие древние и оттого бесстыдные песни, что на отдаленных окраинах Столенграда ни с того ни с сего начали краснеть молодицы.

Даже посланник Яр-Тура вдруг разгорячился до того, что выхватил у гуслира его инструмент, вышел на середину и приказал скоморохам бить в бубны часто-часто. Гусли он взял наперевес и завел, раскачиваясь, неведомую в здешних местах песню. Голос у гостя был хриплый, а песня — свирепая, хоть и не боевая.

«А где-то я его видел, — вдруг подумал Жихарь. — Ну не его, а кого-то похожего... Что-то мне вспоминается, это еще до Мироеда было... — Удары бубна становились все чаще, но не поднимали в пляску, а усыпляли. — Да, точно... Она еще сестрой Яр-Тура назвалась, бледная такая же... Племянник, значит... А может, он и не племянник... То есть побратиму племянник, а мне...»

— Жихарь, а ведь он про Черный Шабаш поет, — сказал Окул Вязовый Лоб. Кузнец ремеслу своему учился в дальних землях и многое повидал. Но Жихарь его уже не слышал, положив голову на стол.

— Смотри-ка — сегодня моя взяла! — обрадовался Окул и сразу забыл про страшную песню.

Потом зажгли факелы, потому что стемнело, веселились при огне, про Жихаря уже не вспоминали.

Утром проснулись кто где — кто в родной избе на печи, кто в сенях (если жена в избу не пустила), кто на полу кабака.

Один Жихарь не проснулся.

Его трясли, обливали водой, били по щекам, давали нюхать тлеющий трут — лежал колода колодой, глаз не открывал, дышал редко и неглубоко.

Окул впору вспомнил про гостя и его бутылочку.

— Опоил, гнида, — сказал кузнец. — Ну, держись теперь...

Но уже не было на постоялом дворе никакого бледного сэра Мордредра, лишь под лавкой, где он сидел, растекалась лужа зеленого вина, в котором валялись ломти окорока, шматки капусты и прочих немудрящих угощений словно все съеденное и

выпитое мрачным гостем проваливалось и сквозь него, и сквозь лавку.

И вороного коня тоже не было: на коновязи в уздечке билась какая-то мелкая тварь. Не крыса и не жаба, а все равно противно.

И следов копыт на первом снегу не было — ни к воротам, ни от ворот.

Глава третья

*Хорошие люди после смерти
попадут в США, а плохие — в
Сомали.*

Услышано в очереди

...Жихарь оглянулся через левое плечо. Там было все по-прежнему: рыжая башка богатыря лежала на столе, вокруг быстро-быстро бегали люди, тащили на стол бочонки и кувшины, мгновенно их опоражничивали.

Жихарь оглянулся через правое плечо. Сзади была полная, непроницаемая тьма.

Богатырь хотел вздохнуть поглубже, но было нечем. Вернее, стало все равно — дышать или не дышать.

Впереди, в серых сумерках, покачивался в седле посланец побратима. Жихарь ускорил шаг и, как ему показалось, поплыл над землей, изредка

отталкиваясь от нее сапогами. Так бывает во сне или когда отведаешь перелет-травы.

— Как же так — я и там лежу, и здесь хожу, — сказал Жихарь, но голоса своего не услышал.

Он упорно держал направление на всадника. Вороной тоже двигался медленно, еле поднимая ноги, но поспеть за ним богатырь никак не мог. Вот впереди уже лишь черная полоска на сером окоеме... Потом полоска начала расти, словно всадник остановился и решил подождать. Жихарь начал нагонять его долгими плавными прыжками.

Жихарь еще раз оглянулся через левое плечо. Прошлая жизнь осталась на прежнем месте, в двух шагах. На постоянном дворе люди перестали гулять, но двигались стремительно, уложили тамошнего Жихаря на стол, суетились вокруг него, пробовали поднять...

Оглянулся через правое — опять ничего, темнота.

— Отгулял... — беззвучно сказал богатырь. Солнца здесь никакого не водилось ни на восходе, ни на закате, поскольку свет был ровный, серый, жидкий — об корягу на запнешься, зато и рассмотреть ничего толком не рассмотришь.

Черная полоска впереди все росла и доросла до того, что стало понятно: никакой это не всадник, а дерево от земли до неба. Богатырь с детства знал,

что существует такое. Не знал только, что увидит его так рано.

«Отчего же мне и не дышится, и не говорится?» — спросил себя Жихарь и сразу вдруг понял, что тело его там, сзади, на разоренном столе, живет и дышит — но не видит, не слышит, не думает...

«А кто же я тогда такой?» — испугался Жихарь, похлопал себя по бокам и сообразил, что он теперь никто.

— Это все сонный морок! — закричал богатырь без голоса, чтобы утешить себя.

Дерево было уже совсем рядом, и Жихарь запрокинул голову, чтобы разглядеть верхушку. Устроено дерево было не по земным законам: одни ветви его (каждая ветвь — что добрая сосна) чернели голые и даже припорошенные снегом, с других свисали и капали весенние сосульки, на третьих набухали громадные почки, на четвертых светились яркой и неподходящей для этой серой страны зеленью листья, на пятых эти же самые листья желтели, краснели и время от времени слетали на землю, словно расшитые золотом и багрецом царские покрывала.

Долог и неспешен был их полет, а по очертаниям походили они на листья ясеня, хотя попадались и дубовые.

«Ничего себе!» — решил Жихарь.

Там, где сходились к стволу два корня, бил из земли чистый ключ, огороженный невысокой каменной кладкой. Три старухи в серых лохмотьях черпали воду золотыми ведрами и тут же выливали ее на землю — должно быть, чтобы корни не сохли.

— Глупые, — сказал богатырь, не слыша себя. — Вода так и так до корней дойдет, чего вам на месте не сидится?

Старухи поставили ведра и поглядели на Жихаря с недоумением — вроде услышали и поняли. Они стали что-то беззвучно кричать, махать на богатыря тонкими сухими руками. Жихарь плюнул без слюны, подпрыгнул, кое-как перелез через выступавший из земли корень и увидел, что с другой стороны в узловатую и на вид каменную древесину впился большими зубами мерзкий огромный червяк.

— Точи, точи, — хмыкнул Жихарь. — Век долгим покажется.

Червяк не обратил на героя никакого внимания. Да у него, кажется, и глаз-то не было.

А вот у дракона, вцепившегося в третий и последний корень, глаза были большие, навывкате, но и он, серый и грязный, глядел совершенно равнодушно — ведь если рядом никто, так на него и бросаться незачем, да оно, поди, и невкусное — никто...

Богатырь миновал дракона и увидел стволы

малых деревьев. Стволы двигались, покрыты они были не корой, а рыжими иглами шерсти и заканчивались копытами — каждое с мельничный жернов.

Жихарь снова запрокинул голову и сообразил, что вовсе это не стволы, а ноги четырех оленей. Олени, отталкивая друг друга, хватали мягкими губами листья, норовя ухватить позеленее.

Он отбежал подальше, чтобы не попасть под копыто, и тут разглядел свисавшие с дерева огромные человеческие ноги в кожаных лаптях.

Богатырь отошел еще. На самой нижней ветви, удавившись толстым ладейным канатом, висел волот-великан. Язык у великана вывалился едва ли не ниже густой бороды. Один глаз волота был закрыт, другого, видно, не было вовсе — иначе зачем нужна была висельнику при жизни черная повязка, как у морского разбойника?

Мало того, из груди волота торчало толстое и длинное древко копья, коим был он пригвожден к стволу.

«Ух ты! — промолвил молчком Жихарь. — Надежно с тобой распорядились, наверняка...»

Великан, словно бы услышав его, открыл глаз. Око было большое и ярое. Волот приподнял свисавшую руку и несколько раз двинул ладонью в сторону: дескать, проходи, не мешай, не до тебя...

Жихарь подчинился и попятился назад, не

выпуская дерева из виду. Там еще много чего было любопытного: в кроне примостился громадный орел, а между глаз у орла сидел вылинявший ястреб. Ястреб размером был как раз с обычного орла, а уж каков орел, и говорить не надо. Да что орел — белка, перескакивающая с ветки на ветку, не уступала величиной медведю, а пушистый ее хвост — другому медведю.

«Во сне ведь человек и думает не так, как наяву», — уговаривал себя богатырь. Он еще разок оглянулся налево — и снова перед ним было, рукой подать, покинутое Многоборье, славный Столенград, как бы разрезанный пилою прямо по избам и теремам. Люди суетливо жили, колотили молотами, щепали лучину, топили печи, а в одной избе лежал на ложе из мехов тот, дышащий Жихарь. Вокруг него шустро шныряли старухи-знахарки, курили травами, поили через воронку неведомыми отварами...

«Нечего озираться, я отрезанный ломоть!» — велел себе герой и долгими прыжками поскакал дальше — ведь там, наверное, тоже что-то было.

Прыгал он недолго, поскольку впереди обозначилась битва — безмолвная и оттого много страшнее, чем бывает на самом деле.

Множество варягов, молодых и старых — старых было куда меньше, — секли друг друга мечами и топорами, разлетались на куски дубовые

щиты, падали убитые налево и направо, но крови почему-то не было. И не было у северных молодцов на лицах боевой ярости, дрались они как мальчишки с деревянными мечами — улыбались друг другу, подначивали, беззвучно хохотали при попаденном ударе.

— Вот тут бы и мне лечь окончательно! — решил Жихарь, вбежал в схватку, хотел вытащить из мертвой руки топор, но пальцы сомкнулись на пустоте.

Варяги оставили усобицу, вложили мечи в ножны, начали помогать павшим подняться. На Жихаря они глядели вовсе не добродушно — напротив, споро выстроились в два ряда и погнали богатыря по проходу между двух человеческих стен, поддавая сзади ножнами и обухами топоров, и удары эти богатырь очень даже чувствовал, потому что это были обидные, позорные удары, а позор для воина пуще всякой боли. Хорошо еще, что слова до него не доходили — известно ведь, что варяги большие мастера складывать и хвалебные, и хулительные речи.

А потом варяги сомкнули строй, разом повернулись и пошагали, обнявшись, к высокой каменной хороmine, где хозяин приготовил пиршественные столы.

«Ясно, — подумал Жихарь. — Я ведь не в битве пал, вот они на меня и взъелись... Стыд-то

какой — лег рожей в объедки!»

Страдая и сокрушаясь, он добрел до широкой реки. А может, и не реки, потому что серая непрозрачная вода никуда не текла, да и куда ей течь на такой плоской равнине. На противоположном берегу богатырь различил деревья опять же серые, белые и желтые.

«Вот они — Костяные Леса! Бродить мне теперь по ним вечно! Только сперва переправиться надо, а тут ни лодки, ни перевозчика... Да что уж теперь терять, коли тело потеряно!»

С такой думой он и шагнул в воду — ладно, что лишь одной ногой. Серая мутная жижа вдруг занялась синим пламенем, страшная боль пронзила богатырскую ступню — и запрыгал Жихарь на одной ноге по немнущейся серой траве.

«Нет, видно, не переправиться мне, покуда не похоронят, — подумал он. — Скорей бы уж им там надоело со мной возиться, отхаживать... Хорошо бы княжеской домовины для меня не пожалели — недаром же я догадался Жупела оттуда вытряхнуть... Да больно-то как! Это бабки, поди, меня каленым железом в рассудок привести пытаются...»

Тут он понял — не услышал, а понял, — что его окликают. Богатырь повернулся на зов и увидел воина, покидающего седло. Воин был не из крупных, Жихарю по грудь, а одет как степняк — у

него и конь был небольшой, лохматый, с крупными бабками, самый степняцкий. Шлем у воина был расколот добрым ударом, и лица сквозь запекшуюся кровь было не разглядеть. Утвердившись на коротких кривых ногах, степняк одной рукой обнял своего конька за шею, а другой вытащил большой гнутый нож и ловко перерезал животине шею. Славный конек упал на траву и забился. Когда кровь вышла и уползла в реку, принявшую ее с гнусным пузырением, степняк быстро и умело, как никогда бы Жихарю не суметь, снял с коня шкуру. Потом он расстелил шкуру на траве, достал из седельной сумы большую костяную иглу, в которую заправлена была крепкая желтая жила, и протянул ее богатырю, знаками объясняя, что от Жихаря требуется.

Богатырь пожал плечами, но иглу попробовал взять — она, конечно, в мнимых Жихаревых пальцах не задержалась, упала на траву. Степняк досадливо дернул плечом, подобрал иглу, побросал мясо и внутренности в воду — запахло едой. Степняк лег на расстеленную шкуру, довольно улыбнулся, показав крепкие желтые зубы, завернул края и стал зашивать шкуру изнутри. На Жихаря он уже не смотрел за ненадобностью. Скоро никакого степняка не стало видно.

«Чего он задумал? — удивился богатырь. — Ведь шкура от здешней воды не уберезет...»

Тут над головой потемнело, словно бы набежала туча, хотя туч в этих краях водиться не должно. Птица, похожая на давешнего орла — только шея у нее была длинная и как бы побритая, — на лету подхватила шкуру смертоносными когтями, ушла вверх, пересекла погибельную воду и скрылась со своей добычей за Костяными Лесами.

«Сам себя степняцким обычаем похоронил, вот ему и широкая дорога открылась, — позавидовал, Жихарь. — А мне-то как быть? Чего они там тянут?»

Он подумал и попробовал сделать глубокий вдох. Чуть-чуть воздуху, кажется, захватил. «А, значит, у того Жихаря дыхание слабеет, — сообразил он. — Ну-ка я сейчас постараюсь, приморю свое тело, не вечно же здесь междумком болтаться в глухом краю...»

И тут он услышал во рту своем страшную горечь, в глазах потемнело, и какой-то безгласный, но неодолимый вихрь подхватил его и понес над серыми равнинами спиной вперед. Жихарь поглядел вниз — к реке подходили какие-то люди, поодиночке и ватагами, кто пешком, кто верхом.

«Степняки тризну правят после битвы, — догадался богатырь. — Непонятно только, что за битва, они же зимой в набеги не трогаются...»

Он миновал место варяжской усобицы, чуть

не задел оленьи рога, пролетая мимо Мирового Древа. Повесившийся и приколотый великан сучил руками и ногами, норовя освободиться. Он весело помахал летучему богатырю и подмигнул одиноким глазом. Три старухи у чистого ключа бросили ведра и грозили маленькими кулачками.

И Жихарь услышал громовые слова:

— Ну, вроде все. Вставай, лежебок, в лесу уже все медведи поднялись, один ты дрыхнешь да храпишь — всю зиму народу спать не давал!

Глава четвертая

*Должен ли джентльмен, если он
взял в долг?*

Константин Мелихан

Дверь в избе была нараспашку, через порог текла ранняя весенняя вода, да и пахло талым же снегом, веселились отзимовавшие воробьи вкупе с другими, уже прилетевшими из-за моря птицами.

Жихарь собрался лихо вскочить, потянуться и побежать к отхожему месту, как всегда бывает после долгого сна. Только лихо не вышло — кое-как удержался на ногах, а при первом же шаге непременно рухнул бы на сырые доски, но чье-то плечо поднырнуло под руку, подперло и поддержало.

— Окул, — сказал богатырь. — Ну, веди, коли так.

От свежего воздуха на дворе голова закружилась еще пуще; на небе грело солнце, и Жихарь сразу же почувствовал, как на лице начинают проступать веснушки — стало щекам щекотно.

— А тебя уже в жертву наметили, — сказал кузнец, направляя несмелые шаги богатыря в нужное место. — Думали — вот Перуна порадуем и урона не понесем: толку от тебя было не больше, чем от умруна, но ведь Перуну живых подавай. А ты как раз по всем статьям подходил — и не покойник, да ведь и живым нельзя назвать...

— Спасибо, — только и сказал Жихарь. А чего тут еще скажешь?

На обратном пути Окул Вязовый Лоб взхлеб рассказывал, как питали и обихаживали богатыря во время богатырского сна, сколько усилий и сноровки он, Окул, затратил, излаживая особую гибкую трубку из меди... Жихарь только краснел и поскрипывал зубами.

— Это все княжна придумала, — хвастался Окул. — И про трубку, и про все. Она тебя, считай, и подняла, потому что все ведуницы и знахарки уже отступились. Так что ты ей теперь отслужить обязан по чести и совести...

От этих Кузнецовых слов даже солнышко

потемнело.

— Постой, — сказал Жихарь. — Какая такая княжна? Откуда она взялась? А я тогда кто?

— Не горячись, — сказал Окул. — Тебе нынче горячиться вредно — можешь снова впасть в сон и не выйти из него. А княжество свое ты проспал...

Кузнец усадил Жихаря на лавку, набросил ему на плечи медвежью шкуру, чтобы сквозняк, призванный изгнать из избы тяжкий зимний дух, не ознобил ослабленного сонной болезнью тела.

Прихлебывая куриный взвар (тяжелой пищи ему покуда не полагалось), Жихарь со стыдом и ужасом слушал неспешный рассказ кузнеца о том, какое нестроение началось в Столенграде и во всем Многоборье, когда отравное зелье свалило его прямо за столом.

— Ну, грабежи еще при тебе начались, — говорил Окул. — А тут и вовсе обнаглели. Из лесу приперлась ватажка лихих людей, грозились спалить город — это на зиму-то глядя! — Ну, с этими кое-как совладали. Дружина поворчала без жалованья, но за мечи взялась. Только от этого больше порядку не стало. Взяли люди себе за обычай не отдавать долги. Жихарь, кричат, вон сколько в кабаке задолжал — значит, и нам то же пристало. Я сам дружиннику Коротая изладил доспех такой, что королевичу впору. Плати,

говорю, а то, когда Жихарь проспится, ответишь! Он не платит, посмеивается. Мне же противу всей дружины не попереть! День хожу, два, седмицу. Наконец решился, взял молот потяжелее, прихожу на дружинный двор. Когда, спрашиваю, господин воин, должок вернешь? Он же, премерзкий, захохотал и говорит: «Когда Жихарь проспится!» То есть моими же словами... Тут, гляжу, нас, таких недовольных, многонько собирается. И быть бы у нас крепкой усобице, и стоять бы Столенграду пусту, если бы не кривлянская княжна Карина...

— Отчего же имя такое печальное? — спросил Жихарь.

— А жизнь-то у нее какая? — ответил кузнец.

И рассказал о том, что княгиня Апсурда на своих семи возах с приданным ехала к батюшке с жалобой, да не доехала: полюбилась по дороге вдовому кривлянскому князю Перебору Недосветовичу. А у Перебора Недосветовича дочка — вот эта самая Карина. Разумница и книжница, женихов, как мусор, перебирала, вот и припоздала, дождалась мачехи на свою голову. Мачеха же, как и полагается, задумала ее погубить — послала дочку в лес землянику искать под снегом, двоих верных слуг — из наших же, кстати, — к ней приставила для верности, чтобы не воротилась. Те девушку привязали к дереву да и были таковы: кровь на себя брать не стали — и так замерзнет.

— На ее счастье, — продолжал кузнец, — шлялись по лесу своим обычаем два зимних ухаля — Морозка да Метелица, ты их знаешь, да с ними третий, товарищ Левинсон, — он, говорят, из Разгром-книги приبلудился. В кожаном кафтане кургузом. Стал у них за старшего. И не приказал девицу морозить и заметать, а велел вывести к людям. То есть к нам. Тут ее признали, обогрели, стали думать думу и вот что надумали...

Куриное варево привело Жихаря в ум, он стал слушать внимательно.

— Что нам опять без власти сидеть, друг дружке головы листать? Жупел нас приучил к лютости, теперь не отвыкнуть. А тут готовая княжна, хорошего роду, законы понимает, даром что незамужняя. Ну, самых недовольных утихомирили да и присягнули ей на верность — а что делать? Неведомо, когда ты проснешься да не примешься ли сызнава в кабаке княжить?

— Так-так, — сказал Жихарь и забарабанил пальцами по столу.

— Тут ведь еще какая выгода, — сказал Окул Вязовый Лоб, — Апсурда-то думает, что падчерицы в живых нет, поскольку ее прислужников-то, Корепана да еще одного, Морозка все-таки в лесу упокоил, чтобы по справедливости. Мужа своего, Перебора Недосветовича, она уже, поди, уморила. А у Кариночки нашей на Кривляньское княжество

все права налицо, и мы, как окрепнем и урядимся, пойдём их воевать, и никто не осудит. Жупел о таком и мечтать не мог...

Жихарь укрыл лицо в ладони и сквозь пальцы поглядел на кузнеца.

— Эх, все-то меня предали, — сказал он. — А я-то, дурак, размечтался — стану княжить, к Яр-Туру послов снаряжу, хвалиться буду... Ну да ничего. Варкалапа одолел, Чих-орду на распыл пустил, а неужто девки убоюсь? Как пришла, так и уйдет, пусть только дороги обсохнут...

Кузнец поглядел на него с сожалением и подлил взвару в миску.

— За такое тебя люди свиньей собачьей назовут, и правильно сделают, — сказал он. — Кабы не княжна, ты бы до сих пор колодой пребывал. Сколько ночей она рядом с тобой пересидела, смотрела, чтобы ты дышать не перестал, иголками колола, травяные сборы составляла, Зеленую Бабушку среди зимы ухитрилась разбудить для доброго совета! Ночь сидела, а днем законы составляла — Многоборскую Правду! Другой князь, хоть два века проживи, такого не удумает! Теперь у нас всякое дело предусмотрено, всякая вина и всякое наказание. Нынче не побалуешь! Одна тебе выходит дорога...

Кузнец вздохнул и на всякий случай отодвинулся от богатыря подальше.

— Это куда же? — нахмурился Жихарь и через край опростал миску.

— А в долговую яму, — сказал Окул. — Ты в кабаке-то сколько задолжал? А лихвы за зиму сколько набежало? Невзор теперь первый богач на все Многоборье...

— Это когда же, скажи на милость, богатыри долги-то платили? — ощерился Жихарь. — Обождет, не треснет. Вот ворочусь из похода — тогда, возможно, и посчитаемся, коли добыча выйдет несметная, а я буду добрый... Где мои доспехи, кстати?

— В кабаке, — ласково сказал кузнец. — Опечатанные лежат княжеской печатью.

— Печать восковая, не железная, — сказал Жихарь.

— Печать-то восковая, — согласился Окул. — А закон железный. Незримые путы, негремящие оковы — вот он каков, закон. Скоро на себе испытаешь.

— А ты словно бы радуешься, — сказал богатырь. — Словно тебе медом этот закон намазан.

— Тебе нас теперь не понять, — с сожалением сказал кузнец. — Беда тому, кто перемены в державе проспал: будет во все углы тыкаться, как слепошарый.

— Что мне долговая яма? — сказал

Жихарь. — Народ небось выкупит. Я ведь вас от злодея освободил, вольность благу даровал... Мне всякий обязан!

Окул встал, подошел к Жихарю и взлохматил его рыжие, за зиму отросшие и свалявшиеся кудри шершавой лапой.

— Эх ты, — сказал он. — Никто гроша ломаного не заплатит — за зиму прожились. Да если кто чего и значил, все равно не даст. А касаемо злодея... Многие о Жупеле сожалеют, особенно дружина: при нем-де порядок был, при нем-де все нас боялись, а теперь наоборот, только и глядим, чтобы нас кто не обидел. Покоренные народы от нас помаленьку отложились, а злобу затаили...

Жихарь посидел, помолчал, подумал — надумал.

— Ты, Окулище, вот что, — сказал он наконец. — Ты давай баню топи: свататься пойду.

Кузнец поглядел на него с уважением и возразить не осмелился.

...Из бани богатырь вышел посвежевшим, и даже силы какие-то в него возвратились: потешил душу, погонял банного, который сдуру вылез в четвертый пар, хотел содрать богатырю шкуру со спины, да не на того нарвался. Кузнец не пожалел для друга чистой рубахи; рубаха, правда, была прожженная, зато в петухах. Нашлась и перемена

портянок, а штаны все еще сохраняли позолоту шитья. Если очень придирчиво не вглядываться — жених и жених.

— Ты пойми, — терпеливо втолковывал Жихарь сомневающемуся кузнецу. — За кого же ей нынче замуж выходить? Не за тебя же — семеро по лавкам! Не за Невзора же кабатчика!

— Есть и в дружине желающие, — вздохнул кузнец.

— Желанья такие повыведу: всех убью, один останусь! — воскликнул Жихарь.

— Может, и так, — сказал Окул. — Только ведь закон-то...

— А что закон? — сказал Жихарь. — Полное право имею присвататься к немужней девице и княжеское звание тем самым обрести. Стану принц-консортом — вот это как по-ученому называется. Веди на княжий двор, бестолковый сватушка!

Куда денешься — повел. Люди на улицах глядели на Жихаря искоса, отводили глаза, а иные украдкой плевались.

— Поднялся-таки, продрал очи! — шипели вслед старухи.

— Чуют, что виноваты, — заметил богатырь. — Закон законом, да ведь и совесть иметь надобно! Ну, не бойтесь, не страшитесь, стану вас миловать...

Старух это, надо сказать, нимало не обрадовало.

На княжьем дворе вышла небольшая заминка: у крыльца стоял с озабоченным видом кабатчик Невзор, держал в руках знакомое Жихарю устройство — нанизанные на прутья костяшки в деревянной раме. К слову, объяснил ему это устройство как раз богатырь, наученный искусству счета еще царем Соломоном.

Костяшки зловеще щелкали, как бы учитывая быстротекущее время. «Время — деньги» — тут же вспомнилось Жихарю и присловье премудрого царя.

— А, должничок проспался! — радостно воскликнул кабатчик. — Ты-то мне и нужен! Долг платежом красен, а займы отдачею! Не штука занять, штука отдать! Сколько ни занимать, а быть платить! Продай хоть ржи, а долгу не держи! Заплатить долг скорее, так будет веселее! Долг не ревет, а спать не дает! Чужие денежки свои поедают! Возьмешь лычко, а отдашь ремешок...

— Да помолчи, успокойся, — сказал Жихарь. — Стар долг, да кто ж его помнит?

— Отдашь ломтем, а собираешь крохами, — пригорюнился Невзор. — У заемщика соколы очи, у плательщика и вороньих нет.

— Должен, не спору, отдам не скоро; когда захочу, тогда и заплачу! — нашелся Жихарь. —

Пиши долг на забор: забор упадет, и долг пропадет. Ссуды пишут на железной доске, а долги — на песке.

— Лихву собирать — тяжело вздыхать, — тяжело вздохнул кабатчик. — В копнах не сено, в долгах не деньги. Долг не ждет завещания!

— Да я помирать и не собираюсь! — вскричал Жихарь. — Тогда пиши на дверь, получай с притолоки. Коли взято давно — так и забыто оно!

— У долга и век долог — долги живучи, — возразил кабатчик. — Легко людей учить, легко долгов не платить. Что ж, дружок, когда должок?

— Будет, будет тебе, — посулил Жихарь. — С лихвою будет. Вот сейчас с княжною вашей потолкую, тогда и тебе благоприятное решение выйдет...

— Э, — сказал Невзор и растопырился в проходе. — Туда покуда нельзя...

— Так я же свата засылаю, — сказал Жихарь. — Дело неотложное, жениться да родить нельзя погодить! И чего ты вообще при княжьем дворе сшиваешься?

Это правда, кабатчику в таком почетном месте делать было нечего — Жупел кабацкими услугами небрег, у него собственный винный погреб имелся.

— Да я же выборный человек от общества при княжне, — сказал Невзор. — Выбирали всем миром, единогласно, при двух воздержавшихся...

«Да, — подумал Жихарь, — кабатчика попробуй не выбери — он тебя потом сроду в долг не опохмелит, либо нальет, да тараканов не отцедит. Попробуй вылови их потом в бражке-то! А воздержались, надо полагать, непьющие...»

— Становись в очередь, — сказал Невзор. — У нас и так сейчас жених пребывает, степной витязь Сочиняй-багатур. Пришел при щедрых дарах, а не при драных портах...

— Охти мне, — сказал кузнец. — Вон она, дырка-то, я ее сейчас сажей закрашу...

— Пустое, — молвил Жихарь. — Герой — он и с дырой герой. Посторонись, зашибу!

И, схватив крепкого кузнеца за бока, богатырь им, как тараном, сокрушил убогую Невзорову защиту. Окул мотал ушибленной головой, Невзор схватился за пораженное брюхо.

Наблюдая незавидную его судьбу, другие стражники вовсе не рискнули загораживать молодцу дорогу, и он, толкая впереди свата, поднялся по лестнице, пинком вышибив дверь в приемную залу.

Нежданная Жихарева спасительница и соперница сидела на высоком престоле, не доставая ногами до полу. Она была худенькая и бледная — даже намазать щеки свеклой не удосужилась ради женитьбенного сговора. Но глаза у нее зато были такие, что Жихарь, хотевший с порога гаркнуть

веселое приветствие и разинувший для этого дела рот, вмиг позабыл все слова да и рот забыл запереть. Так и замер, словно голодный чиличонок в гнезде.

— Явился, невежа, — сказала она звучным, не стойным для щепетильного тела голосом.

Кузнец Окул Вязовой Лоб растерялся и начал хрипеть что-то насчет жар-птицы, залетевшей в данный терем, спасаясь от охотников, и про рыбку — золотое перо, которая ускользнула из рыбачьих сетей туда же...

— Стыдно мастеру за бездельника и пьяницу ручаться, — сказала княжна Карина. — Помолчите пока оба, я соискателя слушаю...

Соискатель сидел в углу на высоком табурете. Узкие глазки его с неудовольствием пошарились по Жихарю, плоский нос пренебрежительно шмыгнул, красивые черные усики горделиво дернулись. Был он почти круглый, но не от природного жира, а оттого что навздевал на себя семьдесят семь одежек, — во всяком случае, Жихарь насчитал именно столько, покуда не сбился. Видимо, степной жених полагал, что так будет богаче. Сидеть на табурете ему было неловко, Сочиняй-багатур то и дело поглядывал на пол с опаской, страшась сверзиться без привычки. Потом перевел дух, взял поудобнее свой инструмент о двух струнах и дребезжащим голосом продолжил прерванную

незванными гостями песню:

Благороднейший мой отец,
Пожиратель женских сердец,
Причитать по-другому стал,
Вот как мой отец причитал:
«Что мне проку в моих стадах,
Что мне толку в больших деньгах,
Что мне пользы в славе мирской,
Что мне счастья в молве людской,
Коль ребенка нет у меня,
Жеребенка нет у меня,
И козленка нет у меня,
И слоненка нет у меня?
Ни одна из двух сотен жен
Не родила котенка мне,
Ни одна из двух сотен жен
Не родила орленка мне,
Я один доживать должен,
Сам-один, точно крюк в стене.
Кто на крюк мой повесит лук?
Кто под старость мне станет друг?
Кто стада мои поведет,
Да уж кстати — и весь народ?
Кто укажет им светлый путь?
Видно, пришлый какой-нибудь...»

Жихарь сперва слушал с пренебрежением, а

потом ему жалко стало старика из песни — невелика радость помирать без наследника. А с другой стороны, не могут же все двести жен быть бесплодными? Видно, у самого крюк этот не в порядке... И Лю Седьмой что-то похожее про себя рассказывал... Все верно, богатыри не котята, скоро не рождаются...

Он задумался над своим сиротским горем и прослушал ту часть песни, где рассказывалось, как у безутешного старика кое-что все-таки получилось на двести первой жене:

...Десять лет носила меня
В золоченом чреве своем,
Как стрелу скрывает колчан
В золоченом чреве своем.
А когда родился я,
Задрожала вокруг земля,
Птицы падали на песок,
Людям в горло не лез кусок.
Я родился врагам на страх,
Сгустки крови зажав в руках.
И стремглав бежали враги,
«Пощади!» — визжали враги.
Я, едва лишь набравшись сил,
Пуповину перекусил,
Голым я вскочил на коня —
Так запомнили люди меня!

Десять дней бежали враги —
Их до Желтого моря гнал,
Двадцать дней бежали враги —
До Зеленого моря гнал.
Тридцать дней бежали враги —
До Последнего моря гнал,
Ибо я, окрепнув едва,
Походил на дракона и льва.
Как деревья, руки мои,
Словно скалы, ноги мои,
Шириной со степь моя грудь —
Воздух весь я могу вдохнуть!
А когда начну выдыхать,
То поднимется ураган.
А когда начну выдыхать,
То обрушится Тенгри-хан.
Все вершины на землю падут,
Мелким людям жить не дадут,
Шибко воля моя длинна,
Всей Вселенной длинней она!

«Парень подходящий, — решил Жихарь. —
Только врет и хвастается сверх меры... Ну да
песенное дело такое: не соврешь — не споешь».

А Сочиняй-багатур в песне добрался наконец
и до дела:

...Что тебе, подобной луне,

Эти сумрачные леса?
Что тебе, подобной луне,
Эти серые небеса?
Что тебе пропадать в тоске,
Как ручью в горячем песке,
Среди этих унылых гор?
Я тебе подарю простор!
Будешь степью повелевать —
Двадцать жен не поднимут лиц!
Будешь юрту мою подметать
И доить моих кобылиц!
Айналайн, поезжай со мной —
Будешь двадцать первой женой!

«Э, как бы он ее не сговорил! — забеспокоился Жихарь. — Девки ведь падки на красивые слова: собралась и подалась в степь... Зря только он сказал, что ей придется юрту мести да кобылиц доить, — про это узнать она бы всегда успела...»

Но княжна Карина и без Жихаря знала, что к чему. Она сошла с трона, приблизилась к жениху и помогла ему покинуть табурет. Очутившись на полу, Сочиняй-багатур, чья грудь, согласно песне, могла вместить весь воздух земной, оказался ниже княжны на полголовы.

— Светлый степной владыка! — пропела княжна голосом отнюдь не суровым. — Пошла бы я

за тебя, только в доме батюшки я не то что двадцать первой — и второй-то быть не захотела. Прогони двадцатерых жен, тогда и подумаю...

Сочиняй-багатур тут и духом слетел с песенных вершин на твердую землю.

— Нельзя прогони, — вздохнул он. — Когда прогони — табуны взад отдавай, юрты взад отдавай, каждый жена мои подарки с собой забирай. Мне тогда улус будет совсем маленький, слабый. Придет Мундук-хан, все его станет...

— А хвалился-то, — сказал Жихарь. — В лесу и сковорода звонка.

— Кто тебе, чума, слово давал? — столь же ласково пропела княжна, не оборачиваясь на Жихаря. — Не прогневайся, славный Сочиняй-багатур, а только меня с княжения народ не отпустит. Если уж так я тебе любя, приходи с табунами и дружиной на службу... Да и на что я тебе? У нас и краше есть, и роду хорошего... Только тесно тебе здесь будет...

— Тесно, мало места, — сказал Сочиняй-багатур. — В лесу ходит волк, медведь — коня обижает, человека совсем без волос оставляет... Комар хуже медведя: родню соберет, всю кровь пьет... Худой места, сильно худой. Чешим-башка — Сочиняй-багатур один вся земля, невест вся земля очень много. Сочиняй дальше пойдя, красивей найди, умней найди...

— Вот и найди, — нахмурилась княжна — видно, не очень ей поглянулись последние слова сладкопевца. — Люди, проводите гостя с честью, снарядите в дорогу. Хоть и не богаты мы, а ничего не жалеть — пусть помнит щедрость многоборскую...

«Да она этак все наше хозяйство по ветру пустит!» — возмутился Жихарь, а багатура в дверях задержал и прошептал ему:

— Не кручинься — видишь, какая заноза попалась? Весь век заест. Ты меня потом обожди на постоялом дворе, на тот случай, ежели и мне тут от ворот поворот покажут, — только навряд ли... Тогда завьем горе веревочкой!

— А беда — арканом! — воскликнул степняк и проворчал: — Ой-бой, не шибко надо был...

Да и пошел прочь, не оглядываясь, — у него в запасе еще весь белый свет имелся да два десятка жен.

У Жихаря такого богатого запаса не водилось, престол же, вовремя не занятый, мозолил глаза. Жихарь ткнул свата-кузнеца: говори!

Окул долго кашлял, вспоминая сватовы речи про рыбку, птицу да зверя-куницу.

— Ступай-ка в кузню — плуги не окованы, бороны не правлены, — велела княжна Окулу. — А с тобой, могучий воин, у меня разговор будет особый.

Такого приема богатырь не ожидал. Он же сам пришел, а получается, что его на спрос привели...

— Ты чего? — спросил он. — Я же по-честному хочу, не как-нибудь...

— Да с таким, вроде тебя, лучше уж разок как-нибудь, чем всю жизнь маяться, — сказала княжна Карина, хотя говорить такие слова скромной красной девице и не пристало бы. — Смотри ты — пришел, избавитель, напился черней матушки грязи, бросил людей и давай отсыпаться. А мне за тобой все пришлось разгрести, казнить и миловать. Да еще мачехой меня наградил, нет чтобы змеине ноги повыдергать... Весь век тебе благодарна буду, что порушил мою жизнь. Там, у батюшки, ко мне светлые королевичи сватались, а тут еле косолапого степняка дождалась...

— Ему так на коне ловчее, — заступился за Сочиня Жихарь. — И не ворчи, ты мне покуда не жена...

— Не жена, — согласилась Карина. — Не жена, а повелительница твоя всенародным волеизъявлением. Поэтому за все, тобой сотворенное, ответишь.

«И какой дурак девок грамоте учит?» — закручинился Жихарь, а вслух сказал:

— Так ведь опоили меня...

— Опоили? — взвилась красная девица. — Как же ты, чаемый князь, из чужих рук чару мог

принять? От незнакомца?

— То посол моего побратима, — попробовал возразить Жихарь, но понял, что несет чепуху.

— Посол... — сказала княжна. — Ежели у тебя Мироед в побратимах ходит — тогда, конечно, посол. Лучшего ты и не заслужил...

— Да что ты знаешь? — досадливо дернулся Жихарь. — Да мы втроем весь белый свет прошли, и еще маленько осталось. И Мироеда культяпого знаешь как поставили? Сказал бы, да зазорно. Мы ведь Колесо Времени в надлежащую колею направили, разве не слыхала?

— И слыхала, и читала даже, — ответила княжна. — Про тебя инда новеллу сложили — «Там, где нас нет» называется. Только гляжу я, наврал сочинитель про тебя с три короба, поверил на слово пьянице и хвастуну... На бумаге-то ты герой и разумник получился, а по жизни, извини уж, прямой дурак. А долгов-то, долгов наделал!

— Чего долгов? — набычился Жихарь. — Мои долги — мое богатство. Я уж их давно простил, долги-то...

— А ведь казны-то в Многоборье нынче нет, — сказала княжна. — Вытаскали всю казну за твой счет и твоим именем — дескать, вот Жихарь проспится, он и вернет. Ой пропил, окаянный, все как есть пропил — ни куска в рот положить, ни тряпки накрыться не оставил! — внезапно

заголосила владычица Многоборья, словно простая баба, страдающая за пропойцей-мужем. — По миру пустил, весь народ обездолил! Теперь и налогов не с чего собрать, сама в долг живу, за каждой монеткой кланяюсь Невзору пустоглазому!

И зарыдала, словно у нее отобрали любимую куклу, — молоденькая была княжна совсем.

Жихарь растерялся: от девичьих слез всякий настоящий богатырь приходит в некоторую растерянность, ибо никогда не знает их истинной причины.

— Да ты утешься, — сказал он. — Вот я сейчас пойду на крыльцо, тряхну его за душу — снова с деньгами будем...

Княжна промокнула очи рукавом (платьишко и вправду было домотканое) и посуровела.

— Здесь теперь живут не по произволу, а по закону, — сказала она. — А закон велит долги отдавать. И ты, мил-любезен друг, их отдашь, отслужишь, отработаешь. Как конь, будешь пахать, грошика медного взаймы не возьмешь, ковшика хмельного не выпьешь. До седых волос будешь работать, камни грызть...

— Зачем до седых? — испугался Жихарь. — Мы это дело мигом поправим! Сяду на доброго коня, кликну дружинишку хоробрую, набежим лихим набегом на тех же кривлян твоих, вернемся с добычей...

— Еще одно разоренное княжество на меня повесить желаешь? — сказала княжна. — Да и веры тебе нет, твой поход либо до первого кабака, либо до первого ночлега, а там поминай тебя как звали — разве не права я? Можно ли тебе верить?

— Нет! — страшно крикнул Жихарь, даже сам испугался, не удержав в себе правды, — больно горькая была. Потом спросил, окончательно утратив разум:

— Так ты, выходит, за меня не пойдешь?

Княжна захохотала, громко, напоказ, как хохочут безнадежные вдовы на гулянках.

— Жених без порток, невеста без места! Нет уж, теперь мне выходить разве что за Невзора... Вот и буду с казной. А он тебя же сватом зашлет...

— Нет уж, — сказал Жихарь. — Я его раньше сапогом пну куда надо — пусть потом хоть на всех подряд женится.

— Не честь богатырю бить кабатчика, — сказала княжна. — Да и сапоги свои ты пропил...

Жихарь глянул на босые грязные ноги и вспомнил — было такое.

— Да и роду-племени ты неизвестного, — продолжала Карина. — Кто твои предки?

— По делам моим я сам себе предок, — гордо сказал Жихарь.

— От дел твоих только слова остались да разорение...

— Чего ж ты со мной возилась, лечила и обихаживала?

— А мне любопытно было, — сказала Карина, — помрешь или нет. По всем чарам и по науке, должен был помереть, я ведь тоже в отравках знаю толк. Не помер, окаянный, знать, и вправду Святогор с тобой силой поделился...

— Ну и ладно, — сказал Жихарь. — Зато я себя в мире прославил и Время наладил.

— Что-то мы здесь ничего такого не заметили — живем как жили, — сказала княжна.

— Оттого что живете одним днем, — сказал богатырь. — Глаз от земли не подымаете, про Круглый Стол слыхом не слыхивали, на ристалищах не подвизаетесь...

— Ах ты, подвижник, — усмехнулась княжна. — Я-то, дура, бежала сюда по грудь в снегу, мнила — героя встречу, как в книжках писано... Вот и встретила героя — лежит пьян, сам без себя. Добро, герой. Отдаю я тебя горькой твоей головой в кабалу кабатчику Невзору — да он и сам этого требует, а он теперь здесь и без венца княжит. Будешь работать всякую работу, что скажет.

Она велела придвинуть себе столик и кресло, схватила перо, споро сочинила кабальную грамоту, отрезала кусок витого шнура от занавески (Апсурда с собой не все успела прихватить) и, накапав на грамоту горячего воска, приклепнула его

княжеской печатью.

— Ступай трудиться, — сказала она и величественно протянула руку к двери.

Ошеломленный Жихарь двинулся в указанном направлении, где уже поджидал его глумливо ослабившийся Невзор, манил корявым пальцем...

Хотел богатырь своротить пустоглазому рыло на сторону, да почувствовал на деле, что закон есть путы незримые и цепи негремящие...

Глава пятая

Тяжелый физический труд на свежем воздухе скотинит и зверит человека.

**Неизвестный
писатель-гуманист**

— «...Чаю, славный друг мой и брат, сэръ Джихар, что недосуг Вам читать мое многословное послание — должно быть, Вы ныне без меры заняты устройением своего княжества: возводите стены, укрепляете башни, составляете соответственно благородной своей природе многомудрые законы. То же происходит и у нас. Власть свою над землями Логрии посчастливилось укрепить мне женитьбою, в коей выгода превосходнейшим образом сочеталась с истинною

любовию; одна беда, что супруга моя, достойнейшая Джиневра, до сих пор не принесла мне первенца, а ведь отцовскую свою состоятельность я при Вас же многожды доказал в приснопамятной земле амазонок. Беда, коли так и дальше будет, — тогда власть моя неволею перейдет к племяннику моему по сестре, нареченному Мордредом. Сей младенец уже на первых шагах поприща своего земного выказывает себя весьма гадким и недостойным...»

— Обожди, — сказал Жихарь. — Повтори-ка про племянника...

Демон Костяные Уши сидел, нахохлившись, на плетне, и весенний дождик скатывался по черным его блестящим перьям. Богатырь, тесавший как раз бревна для нового частокола, весьма был удивлен, когда услышал в воздухе над собой шум крыльев и узрел прошлого своего супостата, а впоследствии спасителя.

Чужую речь демоны запоминают быстрее и крепче пестрых южных птиц, а своих слов у них немного, да и те в основном выражают презрение и ненависть к роду людскому и вообще ко всему сущему. Но кое-как сумел пернатый дух отрицания и сомнения объяснить Жихарю, что в конце концов затосковал, уставши губить земных красавиц, женился законным порядком на демонице своего племени и даже самолично высиживал яйца.